

звезда

«МОЯ МУЗЫКА ПОЛЕЗНА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ»

Ирина Богушевская — Газете

21 января очень успешным концертом во МХАТе имени Горького Ирина Богушевская презентовала свой новый альбом «Нежные вещи». О новой работе, о своей судьбе и о своих желаниях певица рассказала музыкальному обозревателю Газеты Максиму Кононенко.

Ирина, вы довольны концертом во МХАТе?
Очень.

Кажется, это был самый большой ваш концерт?

В смысле зала, в котором он проходил, да — самый большой и самый серьезный по звуку и свету. Я очень довольна, а прежде всего довольна тем, что люди пришли, потому что, честно говоря, все висело на волоске. Перед Новым годом выяснилось, что у меня фактически нет дизайнера обложки, и мне пришлось 28 декабря искать такого дизайнера, который не уехал бы из Москвы и не напился на новогодние праздники — и был бы в состоянии адекватно оформить эту пластинку, а это была непростая задача. Конечно, собрать такой зал — большая ответственность. Некоторые журналисты, правда, написали, что все в зале были знакомы друг с другом, но ежику понятно, что 1300 человек по определению не могут быть знакомы, поэтому я считаю, что это некоторая победа.

В конце 1980-х вы играли в театре МГУ, после чего исчезли, а в 1996-м году неожиданно появилась певица Ирина Богушевская. А что было в первой половине 1990-х?

На самом деле певица Ирина Богушевская существовала, но была какой-то вещью в себе. Возможно, это плод уверенности в том, что ты пишешь талантливые песни. Я, отслушав огромное количество всякой музыки, имею право на свое мнение — у меня неплохая музыка, она достаточно высокого качества. И в связи с этим у меня было такое детское ощущение, как описано у Булгакова: никогда ничего ни у кого не просить. Я гордая женщина и думала, что сами предложат и сами все дадут. Но я просто забыла, что Булгаков это писал о вечной любви, — вот там действительно бессмысленно просить. А что касается славы и денег, то тут надо требовать. Поэтому у меня ушло определенное количество времени на то, чтобы лишиться себя этих иллюзий. И я поняла, что надо все-таки прилагать усилия к тому, чтобы выдвинуться в мир и как-то предъявить ему себя. По-хорошему впервые серьезно заниматься пиаром мы стали только сейчас. Оказалось, что одних альбомов мало, чтобы о тебе узнали.

А в театр вы попали случайно или целенаправленно?

Не бывает ничего случайного. Поступив в университет, я, естественно, продолжала исполнять свои песенки.

Вы писали песни до театра?

Я начала писать песни в 3—4 года. Сначала про пингвинов, лошадей и собак, а лет с тринадцати я ориентировалась на мальчиков. Потом все это пошло таким непрерывным потоком. В университете проходили смотры художественной самодеятельности. Я выходила, садилась к роялю и исполняла свои песенки. И однажды мне просто позвонили из театра и пригласили туда.

А почему вы пошли учиться в университет, а не в Гнесинку или еще куда-нибудь — песни петь?

У меня же нет такого музыкального образования, которое позволило бы поступить в Гнесинку. Я окончила школу в Будапеште, и поневоле мне пришлось прервать музыкальное образование, потому что по-венгерски учиться музыке было очень сложно, практически нереально. А кроме того, я же готовила себя к судьбе вели-

кой русской трагической поэтессы, наследницы Ахматовой и Цветаевой.

Почему же тогда МГУ, а не Литинститут?

Очень хотелось получить гуманитарное образование.

А с родителями это, наверное, тоже как-то связано?

Да, и с давлением родителей, но мягким таким давлением. Сейчас отмечали 250 лет МГУ, и страшно пафосные мероприятия проходили. В главном здании была некая церемония награждения звездой МГУ. Такая звезда, на ленточке. Награждали Лужкова, еще кого-то и еще кого-то. Церемонию вели Елена Ханга, Святослав Бэлза, Юлия Бордовских и Владимир Молчанов. Я вхожу в гримерку, где сидят все ведущие, и Бордовских говорит: «Ах, моя училка пришла». Дело в том, что, когда она училась на журфаке, я вела у них аспирантские семинары по истории философии. У нее и у Оли Журавлевой.

То есть ваша специальность — история философии?

Да, история зарубежной философии.

А откуда у вас такая любовь именно к бразильской и аргентинской музыке?

Потому что там тепло, а я ненавижу сугробы. Солнце — главная планета в моем гороскопе. Маленькой меня увезли в Багдад, и там мой слабый организм запомнил, что сорок градусов в тени — это хорошо. И теперь я мучаюсь, мучаюсь здесь с октября по март. Сегодня вообще не хотела из дома выходить.

И вы с самого детства росли на этой музыке?

Нет, нет. Конечно, я слышала какие-то босановы, потому что невозможно жить и ни разу не услышать «Каждую девушку». Но когда я лежала в больнице после аварии, а это было десять лет назад, мне принесли туда кассету с этой музыкой. И это, как выяснилось, единственное, что можно слушать в моем состоянии. У меня была контузия нервов — не головы, а плечевого сплетения, и при этом страшные боли тебя мучают. А эту музыку можно было слушать, и, более того, она как бы обладает терапевтическим эффектом. Она действительно снимает болевые приступы. И так я влюбилась в эту музыку — навсегда.

Ирина, вы занимаете в русской музыке уникальную нишу, у вас нет ни одного конкурента...

Ну почему, вот есть такая расхожая история. Когда вышла «Книга песен», мы, конечно, нашли способ передать ее Алле Пугачевой. Она послушала и сказала: «Это конкурентка Кристине, ее не пускать никуда». Я не знаю, насколько это правда, но я слышала такую информацию от людей из ее окружения.

Кристине?! Но вы же совершенно непохожи!

Может быть, это связано с тем, что Кристина тогда выпустила «Танго втроем». В журнале «Алла» обо мне напечатали очень хорошую статью — и все. Кристина действительно занимается совершенно другой музыкой, а ей не конкурентка. Да и потом, мне соревноваться с Кристиной — все равно что людоодежке Эллочке с Вандербильдой. У одной — бриллианты, а у другой — мексиканский тушкан.

А почему при такой уникальной позиции вы до сих пор не стали национальной звездой?

Мне кажется, что я в некотором смысле являюсь жертвой или заложницей политики программных директоров радиостанций. Сыр невозможно продавать, если его не выкладывают на витрину. Если люди приходят в магазин, а на витрине нет, скажем, козьего сыра, то они его не купят никогда, они не знают, что он на свете есть, под прилавком. Такая же ситуация с моими песнями. Эфир — это витрина, а в эфир их не пускают, потому что всем кажется, что это не будет слушаться и продаваться. Это как если бы Татьяна Толстая пришла в издательство печатать книжку, а ей бы сказали: «Вы знаете, Татьяна Никитична, мы не будем печатать вашу книжку, потому что люди ее не купят».

А вы думаете, что такая музыка будет потребляться публикой? Не той публикой, которая приходит на ваши концерты, а той, которая слушает Верку Сердючку и репертуар «Русского радио»? Да, я думаю, что круг потенциальных слушателей этой музыки очень широк. И мне кажется, что в нашей стране еще не сообразили очень простую вещь — что какой-то уникальный продукт может хорошо продаваться. Всем кажется, что только биг-маки хорошо продаются,

а на самом деле трюфеля тоже продаются отлично. На самом деле мы с моими музыкантами неплохо живем за счет того, что в нашей публике есть кредитоспособная прослойка поклонников. Но я думаю, что, если бы моя музыка крутилась по десять раз в день в эфире «Русского радио», у нее были бы поклонники. Мне кажется, не надо за людей решать, будут они слушать или не будут. Им надо дать возможность самим сделать такой выбор. Вот. Почему-то меня очень боятся товарищи с радиовещания. «Городская чайка» или «Эти большие волны» с «Легких людей», мне кажется, за просто могли бы крутиться везде.

И что, никто не берет? Даже «Серебряный дождь» не берет?

«Дождь», по-моему, взял, но у нас с ними были договорные обязательства. Остальные не брали. Поэтому, когда я писала «Нежные вещи», я вообще с прибором положила на все форматы. Я не ставила перед собой цель выпустить пластинку, которая будет в эфирах, я ставила цель реализовать некий художественный проект, который у меня был в голове.

А когда делали «Легких людей», ставили задачу быть в эфирах?

Когда я делала «Легких людей», у меня было желание стать как бы ближе к мейнстриму, к тому, что крутится на радио. Мы сидели, думали над аранжировками. На самом деле «Легкие люди» — это вообще такой результат, о котором ты жалеешь. Во все возможные западни, и в финансовую в том числе. У меня были страшные битвы по поводу аранжировки, я выкинула половину песен из этого альбома, потому что мне настолько не понравились аранжировки, что их даже не стоило переделывать. И в результате он вышел как бы усеченный и с компромиссами. Там есть три песни, которые мне нравятся, а остальные — нет. Но тем не менее я думала, что любое радио может взять «Городскую чайку», и, когда этого не произошло, я очень сильно надулась на всех.

А почему вы так редко выпускаете альбомы? Потому что песен мало пишете или денег не хватает? Я песен пишу много, я очень плодотворная. У меня куча песен. И не то

Ирина Богушевская: «Я готовила себя к судьбе великой русской трагической поэтессы, наследницы Ахматовой и Цветаевой»
Фотограф: Франк Вильягра/Газета

газета

вечная студентка

Певица Ирина Богушевская окончила философский факультет МГУ. Во время учебы принимала участие в спектаклях легендарного Студенческого театра МГУ вместе с Алексеем Кортневым и Валдисом Пельшем. В 1993-м стала обладательницей Гран-при фестиваля актерской песни имени Андрея Миронова. Выступала совместно с группой «Несчастный случай», вышла замуж за Алексея Кортнева. В 1993 году попала в серьезную автомобильную катастрофу и в течение двух лет не могла заниматься музыкой. В 1995-м принимала участие в конкурсе «Ялта—Москва—Транзит» (наследник фестиваля в Юрмале), но из-за смерти матери отказалась от участия в финале. Работала диджеем на «Радио 101», вела программы на НТВ и ТВЦ. В 1998 году вышел первый альбом Ирины Богушевской «Книга песен». Альбом стал сенсацией в кругу музыкальной критики и признан одним из лучших русских поп-альбомов наряду с «Зеркалом души» Аллы Пугачевой и «Русским альбомом» Жанны Агузаровой. На основании текстов песен, опубликованных на буклете к альбому, Ирину приняли в члены Союза писателей. После дефолта 1998 года Богушевская не смогла содержать музыкантов и стала выступать в сопровождении своей постоянной пианистки Светланы Мочалиной с программой «Шоу для тебя одной». Эта программа становится одной из самых успешных в русском шоу-бизнесе — Ирина с успехом исполняет ее в течение трех лет. В 2000 году вышел второй альбом — «Легкие люди», который во многом уступал «Книге песен». В январе 2005 года появился третий альбом певицы — «Нежные вещи», очень тепло встреченный критикой.

щи». Правда, я собираюсь теперь работать в другом темпе, потому что много всяких интересных проектов. И вообще — пора брать почту, радио, телеграф и арсенал.

Может быть, вы клубный артист? Ведь на самом деле клубная культура очень большая, у нее просто другой способ дистрибуции — ее не надо показывать по телевизору и передавать по радио, потому что информация распространяется через посетителей клубов.

Ну нет, я считаю, что мою музыку надо крутить по телевизору и по радио. Она очень полезна для здоровья.

Несколько лет назад вы написали у себя на сайте, что не хотите быть звездой. Это была сознательная позиция?

А что я там написала, я не помню?

Там была серия заметок про то, как вы готовите борщ. И публика возмущалась — звезда не может готовить борщ...

На самом деле все мои знакомые политехнологи меня просто высекли за эти высказывания. Они говорили: как можно было так снизить свой образ, как можно было так ужасно себя позиционировать, ну ты посмотри на себя — какой борщ? Написала бы, что сейчас ешь, там, карпаччо или не знаю что, но зачем ты написала про борщ? Это был какой-то внутренний протест, потому что мне показалось, что среди моих поклонников стали преобладать какие-то неменяемые люди, которые стали говорить: вы такая божественная. Я человек с юмором. У меня это вызывает раздражение. Я, конечно, понимаю, что реагировать надо по-другому. Сказать: вот да, я вся такая неземная, питаюсь амброзией исключительно, летаю над землей, а не хожу. Не надо было писать про борщ, потому что это все вранье. Не готовлю я, конечно, никаких борщей, в последний раз я делала это в прошлом феврале.

То есть желание стать звездой есть? Вам нравится популярность?

Конечно, нравится. Я, правда, не знаю, что такое настоящая популярность, я пока спокойно могу ходить по улицам.

Вас не узнают?

Некоторые начали сейчас узнавать после нашей бурной массовой рекламной кампании, и это приятно, хочу сказать. Я на самом деле хочу, чтобы люди ассоциировали лицо с музыкой. Очень многие люди слышали фамилию Богушевская, но не все могут совместить это имя, музыку и лицо. Надо, чтобы все это совпало.

А клипы вы не собираетесь снимать?

Да, конечно. Поскольку я в свои 50 (на самом деле Ирине 39 лет. — **Газета**) неплохо выгляжу. Конечно, собираюсь.

Вас слушают только в больших городах или по всей стране?

Ну вот, например, я ездила в город Белгород, и люди там подпевали. Для меня загадка, откуда они знают слова, но тем не менее есть какие-то удивительные высокие технологии, которые все это распространяют. Сейчас, после МХАТа, выходят статьи, рецензии. И я вижу, что многие критики оценивают даже не то, насколько хорошо мы играли, не то, насколько хорошо звучит мой голос. Они оценивают какие-то совершенно другие параметры, в частности, уровень раскрутки, даже уровень денежных потоков, которые вокруг тебя крутятся. И отчасти они правы, потому что артист — это не только голос, это не только внешность, это еще и твоя сила воли, и уровень других твоих способностей. Потому что на самом деле звезды — не те, у кого самый красивый голос, а те, у кого хватает выносливости, чтобы выдерживать это. Живой такой пример. В начале января я работала на спектаклях «Веселые ребята», там страшные сквозняки за сценой. И когда ты выбегаешь потный переодеться, то просто жаешься. Я заболела жутким бронхитом — до сих пор кашляю по полтора часа утром и отплеиваюсь. Тем не менее 10-го и 11-го я лежу пластом, 12-го иду во МХАТ на совещание, потом еду на репетицию, потом к дизайнеру, 13-го лежу пластом дома, ко мне приходят журналисты, и так продолжается все десять дней перед концертом. Вместо того чтобы ходить на массаж и к косметологу, я хожу к врачу, мне делают всякие ингаляции и все

такое, и как-то я с этим бронхитом успеваю отработать концерт. Конечно, большой соблазн — выйти и послать, сказать, что я не могу, мне так плохо, извините, нет. Но если ты можешь это выдержать — молодец, тебе пятерка и возможность пахать дальше.

И возможность уже ничего целый год не делать.

Почему это целый год ничего не делать? Нет, я хочу работать, на самом деле.

Вот я разговаривал с Валерией, она говорит: на следующий год я не буду ничего делать.

Она себе может это позволить запросто, потому что пахла как лошадь несколько лет.

Скажите, а существуют ли какие-нибудь планы у вас, Кортнева, Пельша восстановить какой-нибудь спектакль театра МГУ? Какой спектакль — «Кабаре»? Вообще-то нет.

Я Кортневу задавал тот же вопрос, он ответил — да.

Правда? Отлично, значит, у них есть такие планы. Я-то с удовольствием опять выйду с ними на одну и ту же сцену. Хотя мне бы очень хотелось, честно говоря, не делать капустников больше никогда. Я этот жанр не очень люблю, это все-таки какая-то кавээнзовская манера. Уж если делать, то надо делать дорогое красивое кабаре. Не варьете, где девушки пели, а именно кабаре, это на самом деле другой жанр.

Когда нам ждать следующего альбома?

Я думаю, что мы с Олегом Нестеровым достаточно быстро сделаем альбом ремиксов. Еще у меня лежит пятнадцать текстов, таких баллад, и я хочу сделать серьезную работу, с серьезными аранжировщиками поработать. Думаю, что, наверное, этим летом я не буду опять сидеть в студии. Может, через год, не раньше.

Как вы думаете, когда-нибудь страна увидит Ирину Богушевскую в условной программе «Песня года»?

Обязательно, я сделаю все, что от меня зависит. У этого хочу и считаю, что на самом деле это только украсит программу.